

Дмитрий ГАЛИХИН

**ПЕВЕЦ,
КОТОРОГО ВСЕ ЖДАЛИ**

Путь к вершине

Дмитрий Анатольевич Галихин

Певец, которого все ждали. Путь к вершине

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63387492

Певец, которого все ждали. Путь к вершине: Грифон; Москва; 2020

ISBN 978-5-98862-578-0

Аннотация

Дмитрий Анатольевич Галихин – известный российский певец-тенор. Его великолепный музыкальный слух и исполнительское мастерство впервые продемонстрировал Большой детский хор Всесоюзного радио и Центрального телевидения СССР. Он исполнял произведения самых популярных композиторов страны, среди которых – Георгий Свиридов, Евгений Крылатов, Юрий Чичков, Владимир Шаинский. Среди его учителей – солист Большого театра П.Г. Лисициан и хормейстер В.С. Попов. Партнерами на сцене являлись великие певцы – Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, Юрий Гуляев. В настоящее время сотрудничает с выдающимися оркестрами, дирижерами, пианистами в России и за рубежом.

Книга расскажет о различных эпизодах из жизни певца, о замечательных людях, с которыми он встречался, о времени, когда он начинал свою карьеру. Среди героев историй:

политики Леонид Брежнев и Реджеп Эрдоган, певцы Дмитрий Хворостовский и Зураб Соткилава, композиторы Георгий Свиридов и Владимир Шаинский и множество других хороших, известных и совсем не знаменитых людей.

Содержание

1.	6
2.	10
3.	13
Детский хор	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дмитрий Галихин

Певец, которого все ждали. Путь к вершине

Под Редакцией А. Бабочкина

Все права защищены. Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами и в какой-либо форме, в том числе в сети Интернет, запрещается без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Галихин Д.А., 2020

1.

Почему меня ждали

Читатель! Перед Вами моя книга. Конечно, она об оперном искусстве и музыке, о моей жизни певца, о моих слушателях и моих наставниках, передавших мне не только свои знания и умения, но и часть своей души. Но не только. Эта книга о преодолении. О том, как ты преодолеваешь множество трудностей, чтобы добиться маленького-маленького результата, а только потом и больших достижений. И так всю жизнь. Эта книга и о моих друзьях и знакомых. И просто о хороших людях, каких, я уверен, в жизни каждого из нас большинство. Может быть, кто-то увидит в книге и себя.

Жизнь каждого человека представляет собой непрерывный поток историй, грустных и смешных, патетических и дурацких. Главное, их запомнить. Я расскажу Вам мои запомнившиеся истории и постараюсь это сделать без утайки. Вот завязки только некоторых из них.

«...И тут в самолете мне предложили спеть популярную турецкую песню, естественно, на турецком языке. Устроители планировали, что у меня будет время разучить ее перед концертом, а вот тут из-за форс-мажора просили меня посмотреть ее в самолете и попытаться хоть немного запомнить. Они говорили, что в зале будет сам премьер-ми-

нистр Турции Эрдоган. И это был бы огромный подарок с моей стороны и знак уважения и т. п. Но всем было件нятно, что выучить такую песню на чужом языке просто невозможно!..»

«...Сама опера „Пиковая дама“ для Чайковского, как композитора, была одновременно и вызовом его творческому потенциалу, и возможностью в образе главного героя открыто показать страсти, наполнявшие самого автора. Нет, как Федор Михайлович Достоевский, Петр Ильич не был игроком, но разве игра и азарт – это все? Нет, он говорил о своих внутренних страстях, о чем должен был молчать всю свою жизнь. Его отношение к любви мужчины и женщины было одним из аспектов, с которыми композитор не смог примириться до самой могилы. И мне, как исполнителю, посчастливилось распознать именно эту глубину раздумий, вложенную в партитуру оперы самим Чайковским...»

«...Когда по городу была развешана реклама концерта и начали продаваться билеты, примерно за семь дней до концерта моему администратору говорят: „Вы знаете, мы перенесем начало концерта с 19:00 на 18:00. Просто нашему администратору зала надо пораньше уйти домой...“»

В этой книге Вы узнаете и о множестве других историй.

Но Вы можете задать мне и самому себе вопрос: а зачем ты нам всем нужен в нашем теперешнем сложном мире с его проблемами и бедами? Да, для меня это вопрос серьезный. И я долго думал над ответом на него. Конечно, многое на-

копилось за годы моей работы на сцене. И можно рассказывать, не прерываясь, часами. А если прибавить сюда встречи с людьми, различные жизненные ситуации, то эти рассказы займут целую вечность. Однако, возможно, эта моя жизнь не настолько и интересна? В суете забот нам нет дела до других, до прикосновения к их жизненному опыту. Или есть? Может, стоит почувствовать взгляд человека, повстречавшего и повидавшего тысячи людей, многие из которых решали и решают судьбы миллионов? Стоит услышать человека, способного дать оценку смене огромного культурного пласта, поменявшегося за последние годы кардинально. Смена эпох, случившаяся на моих глазах, помогла мне дать реальную оценку происходящему. Давайте поговорим об этом, попробуем понять, что нужно нам и нашим детям сейчас. Услышим себя и послушаем, что говорит нам молчаливое пространство.

Почему вы хотите меня слушать, я знаю, для меня это не вопрос. Я долго изучал тонкости исполнительского мастерства, пытался понять, в чем отличие исполнителей сегодняшних от исполнителей прошлых лет. И нашел очевидный, но и главный ответ на это. Чем ближе люди находились к экстремальным ситуациям, чем больше они впитали в себя событий и впечатлений, самых ярких по эмоциональному тону, тем сильнее чувственный подтекст их выступлений, тем проще им в своих выступлениях достучаться до зрителя, заставить его испытать катарсис даже от совсем небольшого произведения. Поэтому такая огромная разница между

исполнителями и вообще людьми искусства, прошедшими огромные переживания и трагедии – от страшной трагедии всех поколений людей, войны, до ярчайших любовных переживаний, – от их коллег, живущих в спокойном, стабильном времени и пространстве. И именно в этом ключ, ключ к разгадке фантастического притяжения к творчеству первых, остающемуся на века. Слушатель и зритель всегда ценит таких людей на сцене и будет ждать их выступлений всегда.

2.

Я – тенор

И кто же он такой, этот самый тенор? Это – высокий певческий мужской голос. Так называют и певцов с таким голосом. Хотя сегодня для многих людей, как заметил мне на шоу «Камеди клуб» его ведущий Гарик Мартиросян, это название какого-то лекарства. Видимо, горького.

И для меня в детстве такое слово было непонятно. Хотя нет, не совсем так. Ведь я обожал фильм «Музыкальная история», о шофере. Мой отец тоже имел эту профессию. Но только тот шофер из фильма любил петь, а потом взял да и выучился, стал известным тенором, солистом Большого театра. Его замечательно сыграл в фильме великий русский оперный певец – тенор Сергей Лемешев. Разве мог я тогда подумать, что судьба распорядится так, что моим первым педагогом будет его партнер по сцене, любимец Сталина, самый известный армянский оперный певец Павел Герасимович Лисициан.

Я предполагал стать певцом, но я и подумать не мог, что это значит. Мне казалось, что пение – это не работа. Работать можно на заводе, в шахте или в операционной, а на сцене можно получать только удовольствие. Конечно, у меня закрадывалось подозрение в тот момент, когда руководитель

нашего Большого детского хора Всесоюзного радио и Центрального телевидения СССР, народный артист СССР Виктор Сергеевич Попов напутствовал меня после окончания моей, без ложной скромности, выдающейся карьеры в этом коллективе. Он сказал так: «Получи, Дима, сначала техническую профессию, которая тебя смогла бы кормить. А затем учись петь. Ведь если голос у тебя пропадет, что ты станешь делать? А так без куска хлеба ты не останешься...»

Тогда мне эти слова показались очень расплывчатыми и уводящими меня вдаль и вбок от заветной мечты: стать певцом. Но сейчас я понимаю, какую отеческую любовь ко мне испытывал Виктор Сергеевич, как он хотел, чтобы у меня в жизни все сложилось хорошо. Я прочитал огромное количество литературы, не только музыкальной. И вот как-то я натолкнулся на интересное высказывание моего кумира Федора Шаляпина. Обращаясь к своим детям, он сказал так: «Узнаю, кто из вас захочет стать профессиональным певцом, – убью». Я уверен, что он не шутил. Ведь Федор Иванович хорошо знал, что такое пение на профессиональной сцене, а уж тем более, что такое работа оперного певца. Это не работа, нет. Это служение, образ жизни, крест, который человек, раз взвалив на себя, уже не сможет скинуть никогда. Либо он воздвигнет себе памятник с этим крестом, либо крест похоронит его и окажется на его могиле.

Но для меня это было все неважно, ведь я понимал только одно: самое большое удовольствие, самый большой кайф –

это пение. Удовольствие, когда через оркестровую яму смотрят тысячи глаз, слушают сотни ушей, внимают каждому твоему вздоху, каждой твоей интонации. С этим удовольствием вряд ли что-то может сравниться. И В. Попов, и Ф. Шаляпин, конечно же, это понимали, они ради этого жили. И я жил и живу ради этого, ради публики, ради моих любимых слушателей. Но в чем состоит это удовольствие? Конечно, оно многослойно, как обожаемый мною торт «Наполеон», но, увы, я его очень давно не ел. Да, ведь чтобы выступить, работать на сцене, участвовать в оперных постановках, надо очень во многом себе отказывать. Я уже забыл, когда пробовал алкоголь, когда злоупотреблял сладким и мучным. Ведь все это ведет прежде всего к потере формы, набираемой тобой годами, а потерять которую можно в один миг.

Мой творческий путь, рано начавшийся в Большом детском хоре Всесоюзного радио и Центрального телевидения, не закончился в детстве. Он провел меня через множество испытаний и приключений в большую и любимую профессию, профессию оперного певца. Я познакомился на этом пути с великими певцами, дирижерами, композиторами и артистами современности.

3.

Возвращение из детства

Многое, если не главное, в человеке закладывается в юном возрасте. Я не исключение. Иногда, чтобы понять и переоценить нынешнее, я мысленно путешествую в свои детство и юность. Ищу там ответы на сегодняшние животрепещущие вопросы. Ведь мне довелось еще ребенком встретиться с множеством умных, хороших и бескорыстных людей, преподавших мне бесценные уроки жизни. Без них я бы не стал тем Дмитрием Галихиным, которого вы знаете.

А потом я возвращаюсь оттуда. Сегодня же мы путешествуем вместе.

Детский хор

Самый популярный и известный Большой детский хор Всесоюзного радио и Центрального телевидения СССР можно было понять, только окунувшись с головой в его атмосферу. Мне это удалось сразу, и погружение прошло успешно.

Хотя могло быть совсем по-другому. Сказать, что я пришел туда сам, потому что мечтал с детства о сцене, будет все же неправдой. Да, я любил петь, пел везде и всегда. Жутко ненавидел, когда кто-то из родственников пытался меня взгромоздить на стул и заставить декламировать стихотворение или петь песню. Я считал это каким-то унижением своего детского эго, хотя понимал, что за это могу быть наказан. В нашей семье могли и покарать за подобное свободомыслие. Не столько потому, что у меня были такие сложные родители. Скорее, общая атмосфера в стране и жизни людей не предусматривала такого свободомыслия. Вероятно, это коснулось и моей семьи. Но я всегда допевал песни до конца, и меня слушали.

Помню, как в один из дней моему дедушке надоели мои распевки в его рабочем кабинете. И он дал четкое указание моим родителям отвести меня в какой-нибудь хор. Я рад, что меня не отвели в первый попавшийся хоровой кружок, а по стечению обстоятельств и по инициативе моей мамы разыскали самый лучший в стране детский коллектив, с активными

ми зарубежными гастрольными выступлениями. Да, что греха таить, я очень благодарен моей маме, что она последовала таким мотивам. Ребенок должен увидеть мир.

Но только никто из моей семьи не мог себе и предположить, что между далекими зарубежными странами и поступлением в детский хор, пусть и Всесоюзного радио и Центрального телевидения, лежит огромная дорога длиной в труд, талант, упорство и самоотверженность. Ведь желание петь у меня было, а вот трудиться до седьмого пота, репетировать, учить, заниматься и заниматься в мои желания точно не входило. Но все случается когда-то в первый раз, и эта история с моим поступлением в Большой детский хор напомнила принцип обучения плаванию, о каком я когда-то слышал. Завозят тебя на лодке на середину пруда и сталкивают в воду: доплывет – научился; не поплывет, может и выловят. Никто думать не думал, что у ребенка может быть потом психологическая травма и боязнь воды на всю жизнь. Не волновали такие мелочи.

Вот и со мной было что-то подобное. Никто из родителей даже не задумывался, укрепит ли мою любовь к пению и музыке поступление в прославленный на всю страну коллектив. Разовьет ли во мне творческий потенциал выступление на телевидении, раскроет ли во мне талант исполнителя выступление на самых главных сценах страны. Я помню, как-то раз моя тетя Катя (жена известного авиаконструктора Яковлева) спросила: «Димочка, нравится ли тебе в Боль-

шом детском хоре?» Чем абсолютно точно поставила мой чистый и незамутненный детский разум советского школьника в жесткий тупик. Но это было потом. Пройдя через большое количество выступлений, работая рядом со взрослыми артистами, звездами СССР, получавшими за это все привилегии (зарплату я в счет не беру), я уже смело мог сказать: «Да, тетя Катя, нравится! Это моя жизнь, и другой мне не надо!»

Мой первый день в хоре я запомнил на всю жизнь. Вот так взять и спеть перед самым большим и прославленным детским хором в стране. Пусть это мальчики и девочки. Но они уже звезды, прошедшие весь творческий путь большого артиста. Это было невообразимо тяжело. Попасть в хор было очень непросто, я бы сказал, что просто невозможно. Да, можно было воспользоваться связями, по «блату», но руководитель хора Виктор Попов четко понимал, что блатных можно набрать и не одну сотню, а вот кто потом будет петь на правительственных концертах, кто потом будет представлять виртуозность вокала на международных фестивалях. Так представлять, чтобы западные «враги» смогли сказать: «Да, но искусство у вас самое лучшее в мире!»

Виктор Сергеевич Попов (1934–2008)

Выдающийся русский хормейстер, педагог, создатель певческой школы, ученый-методист, основатель нескольких хоровых коллективов и высшего учебного заведения принадлежит к кругу тех, кто определял лицо отечественной

культуры. Подвижническая деятельность Виктора Попова почти полвека служила сохранению и развитию традиций русского хорового искусства. Своим трудом и талантом он обеспечил перспективу развития российской хоровой культуры, воспитав несколько поколений певцов, хормейстеров, солистов, педагогов и просвещенных любителей музыки.

В. С. Попов – основатель и руководитель Большого детского хора Всесоюзного радио и Центрального телевидения (1970), Академии хорового искусства (1991), главный дирижер (1977) и художественный руководитель (1983) Московского хорового училища имени А. В. Свешникова, заслуженный артист РСФСР (1977), народный артист РСФСР (1983), народный артист СССР (1989), профессор (1990), лауреат премии Ленинского комсомола (1980), премии правительства Москвы в области литературы и искусства (1996), Государственной премии Российской Федерации (2001), премии «Триумф» (2004); награжден орденом Дружбы народов (1994), орденом «За заслуги перед отечеством» IV степени (2005), орденом Русской Православной Церкви Святого благоверного князя Даниила Московского (2006), французским орденом Искусства и литературы (1991). Таковы только основные награды признанного художника.

Именно потому первое мое знакомство было очень сложным и даже нелицеприятным. Думаю, что потом в своей жизни я едва ли испытал больший стресс, чем в тот раз. Тогда,

смотря открыто на В. Попова во все глаза, я пытался понять, что же от меня хотят. Он начал разговор со мной, как со взрослым человеком, отвечающим за себя и свои поступки:

– Да, Дима, я понимаю, что мне звонили и просили из ЦК КПСС от твоего дедушки, просили, чтобы я взял тебя в хор. Но ты должен понимать, что твое желание петь должно совпадать с твоими возможностями. Для этого нужны прежде всего способности и талант. Другие у нас здесь не поют!

– Я способный! – закричал я со слезами в голосе.

Он положил мне руку на плечо, и я сразу успокоился. Огромная волна тепла и света сразу наполнила меня от макушки до пяток. Я увидел, как засветилось его лицо: хотя он был очень строгим, но глаза его были добрыми и улыбались мне. Эти глаза я не забуду всю свою жизнь, он долго смотрел на меня, пристально вглядываясь в мое лицо маленького и отважного мальчишки, кричавшего «Я способный». Мне казалось, что наш молчаливый диалог длится вечность, хотя это был лишь один миг, тот миг, что определяет всю твою жизнь. И именно тогда, стоя с его рукой на плече, я поверил и уже точно знал, что «я – способный».

Мы прошли с ним гаммы вверх и вниз, я повторил за ним несколько мелодий, ответил еще на несколько вопросов, снова повторил, но уже по памяти. И помню его строгое лицо, расплывшееся в улыбке, и фразу: «Ну что ж, способный! Давай попробуем!» Помню, внизу, у дверей школы – а зани-

мался хор Всесоюзного радио и Центрального телевидения в самой обычной средней школе города Москвы, – меня ждала мама. Я, радостный, сообщил, что Попов сказал мне: «Давай попробуем». Я смутно представлял, что мы будем пробоовать, но в душе я чувствовал, что это что-то очень хорошее. Ну а дальше, за праздничным и светлым настроением, меня накрыли страхи, стали закрадываться сомнения: смогу ли, способен ли я не уступать ребятам, поющим в хоре? До моей первой репетиции было несколько дней. И эти дни стали для меня сущим кошмаром.

Самый известный в стране хор, участвовавший во всех знаковых концертах, репетировал несколько раз в неделю в обычной средней школе – в будни по вечерам и в выходные с утра. В остальное время мы учились тоже в самых обычных московских школах, а по вечерам сами или с родителями ехали на репетиции. Репетировали мы в школе у Нового Арбата. Это хорошо, если ты жил в центре. А вот если где-то в Марьино, то это было очень непросто. К тому же, никто домашние задания в обычной школе не отменял. И ее коллектив тебя в лучшем случае не поддерживал. А в худшем случае – зависть и ревность были такими, что... Об этом чуть дальше.

Сейчас же я с нетерпением готовился к моей первой репетиции. Мне было очень интересно, что же они такое там делают, как они могут столько запоминать. Но главное, проходя на прослушивание мимо открытого зала с шедшей там

репетицией, я заметил, что в руках у ребят были ноты. Я сразу это понял, хотя и не учился в музыкальной школе. Что же делать? Ведь я не знаком с нотной грамотой, как же я буду учить новые песни? Да какое там желание петь... Желание спрятаться, сказать маме, что я не хочу, что я заболел! Но чувство гордости во мне говорило: НЕТ! А самое главное – эти Поповские глаза, как он смотрел на меня... что же, обмануть, смалодушничать? Я даже об этом боялся подумать.

Всю ту ночь я не спал. Что тогда проносилось в моей мальчишечьей голове, помню смутно. Меня очень беспокоили внутренние отношения внутри коллектива. Как я успел заметить, в хоре был большой разброс по возрастам, и старшие девочки мне казались уже настолько взрослыми, практически тетеньками. Может, мне так видится сейчас, но я почти уверен: все люди того периода смотрелись намного старше своего возраста. Беспокоило, как меня примут в коллективе. Как отнесутся ко мне мальчишки из хора, но самое главное – как примут девочки, ведь их большинство. А что могут сделать девочки с мальчиками, я на своем хоть и не большом, но имевшемся жизненном опыте уже знал. Поэтому вопросов, страхов и сомнений было много. Но все они были накрыты каким-то общим покровом света глаз Попова.

И вот он настал, настал первый день моих занятий! Для меня всегда было очень важно, как я выгляжу. Где-то я прочитал или услышал, что артист начинается с костюма. Так и повелось с самого раннего возраста, как себя помню: выйти

на улицу непричесанным и в грязной одежде я не мог. Когда был совсем крохой, то устраивал скандал, чуть постарше упрямо настаивал на своем. Обвинить меня в том, что я как девочка кручусь у зеркала, могли все. Лишь только те, кто меня мало-мальски знал, уже не обращали на это внимания, либо приговаривали: ну что с него возьмешь – артист. Я долго выбирал из двух рубашек ту, в которой я пойду сегодня на свою первую репетицию. Наконец, определившись с выбором, мы с мамой отправились в путь. (Первое время нас водили родители, но потом, чуть позже, с началом гастрольной жизни, это было уже как-то не принято. Да, мы выросли очень быстро.)

Метро быстро выплюнуло нас в центр Москвы, и вскоре я оказался в огромном холле красивой старой школы. А значит, актовый зал и классы были больших размеров, с высокими потолками. Разумеется, это отражалось на акустике помещений. Уже с первого этажа около раздевалки я услышал звуки музыки и голоса поющих детей. Странно... Ведь я же не опоздал, неужели я что-то перепутал? И почему я слышу музыку абсолютно не ту, которую слышал по радио и телевидению в исполнении Большого детского хора? Это совсем другая, незнакомая мне музыка. Я стал вспоминать, но так и не понял, что это звучало. Как я ни пытался разобрать слова, но это явно был не русский текст. И музыка была далеко не песенная.

Потом я узнал, что большую часть репертуара хора состав-

ляла классическая музыка на разных языках, разных композиторов. А песни были своего рода программой на бис для концертов. За рубежом всегда востребована классическая русская и иностранная музыка. Попов эту конъюнктуру четко понимал. Поэтому программы были очень сложными.

Когда я вошел в зал, то постарался сесть сзади, чтобы не привлекать излишнего внимания. Там оказались уже взрослые девочки, и я подсел к ним, мальчишек я не увидел, они были где-то впереди. Я скромно разместился у бокового прохода. Но девочка, внимательно на меня посмотревшая, поманила меня пальцем и спросила имя. Я сказал, что меня зовут Дима и я сегодня первый день. Она ответила, что уже это поняла...

И вот, пока мы так мило переговаривались, в зал вошел Попов. Сказать, что все озарилось вокруг, это значит не сказать ничего. Какой-то ветер прошел по рядам. Он вихрем подошел к роялю и пристально оглядел всех собравшихся. Я был уверен, что сейчас меня представят, расскажут обо мне, но этого не случилось. Вместо этого началась самая обычная для хора и необычная во всем для меня репетиция. Я был рад, что подсел к Тане, так звали эту девушку. Она мне казалась очень взрослой, и поэтому я внимательно смотрел, что она делает, и старался ей подражать.

Мы начали с распевания, а затем нам всем раздали ноты. Я ужасно переживал – что я буду с ними делать? Как понять, что там написано, и, самое главное, – как это все воспроиз-

вести? Ну, если с текстом было все более или менее понятно, то с нотами был просто заколдованный лес. И вот тут самым необыкновенным образом Таня повернулась ко мне и сказала как-то очень просто и по-доброму:

– Дима, если ты ноты не знаешь, следи за мной и повторяй то, что я делаю.

Она не стала допытываться, знаком ли я с нотной грамотой, не стала ставить меня в неловкое положение, а проявила верх деликатности и такта. И сразу стала для меня непререкаемым авторитетом. Она была для меня в тот момент практически родным человеком, человеком, которого я словно бы знал всю свою небольшую жизнь. И этот образ культуры воспитания, общения и такта я несую всю свою жизнь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.